ТЕТРАДЬ

для _____

_____

учени ка 11 класса _____

_____ школы _____

Куликов Антон Кириллович

Удмуртская Республика

Рег. № 2116.

51387

Текст №3.

Я буду анализировать его с позиций философии.

К сожалению, должен признаться, что предложенный текст мне не знаком. Но содержание его крайне интересно и заслуживает обстоятельного обсуждения. Ряд проблем, которые мы в связи с ним рассмотрим, не решены до сих пор и вряд ли будут решены когда-нибудь, но я постараюсь обозначить возможные варианты их временного, частичного решения.

На мой взгляд, текст и само рассуждение автора состоят из двух основных частей: негативной и позитивной. Первая – это критика того, что автор называет „божественным разумом", критика интеллектуалистского догматизма картезианского толка. Вторая – выдвижение антирационалистической установки, которая каса-

47
+5
+10
62

51387

ется сразу и гносеологии, и этики, и метафизики. Под критической, негативной частью выдвинутой автором теории я готов подписаться и сам. Но я также попробую показать, что его собственная, антирационалистическая позиция, наталкивается на все те же трудности, что и концепция, которую он критикует.

Сначала автор критикует претензии разума и рационализма на абсолютную власть в интеллектуальной и духовной жизни людей. Он выступает против того разума, который говорит о своих построениях: „всё это — истины самоочевидные, а стало быть, и непреоборимы" — т.е. ставит знак равенства между объективной истиной и тем, что ему, разуму, кажется очевидным. Автор ясно видит, куда заводит убеждение в том, что „боротья с установленными разумом истинами — бесплодно" — „раз нельзя боротья, то нужно покориться. Нужно постичь, что отдельное существо по установленному от вечности, непреодолимому закону заранее обречено на страдание и гибель". Любопытно, что автор не ищет недостатков в самом догматическом интеллектуализме, а сразу переходит к анализу негативных последствий принятия его за истину (в смысле соответствия реальности) — т.е. исходит как бы из прагматистских и консеквенциалистских позиций. Это, как мы увидим, разумно. Дело в том, что господство разума само по себе не может основываться на рациональных утверждениях, ведь мы должны были бы принять их значимость раньше принятия значимости разума, что превратило бы такие утверждения в вариацию парадокса лжеца. То же самое относится и к вере в очевидность, которая, как и вера в разум, может быть только верой. Требование принимать за истину то, что кажется очевидным — это

вообще один из самых старых и глубоко укоренившихся предрассудков философии. К сожалению, он присутствует у многих влиятельных и даже относительно современных авторов: от Аристотеля он перешёл к Декарту, и от него — к Бертрану Расселу (об этом см. „Философия логического атомизма"). Я согласен с Поппером, который в „Открытом обществе" утверждает, что не кажущаяся кому-то очевидность тезиса (это лишь психологическая случайность) является критерием его истинности, но, наоборот, широко распространённое знание истинности тезиса (такого, как „дважды два — четыре") делает его очевидным в наших глазах.

Итак, основание интеллектуализма само по себе антирационально, или просто не-? и автор ~~я сно видит~~ объясняет, к чему сводятся эти обоснования у тех, кто защищает божественность и авторитаризм разума. Разум или объявляя чем-то неразрывно связанным с божественными, сверхъестественными силами, с космическим порядком, перед которым должен смириться человек. Автор верно указывает на то, что это ведёт к подавлению, угнетению личности, антигуманистическому холизму: „И когда, на самом деле или в воображении, разум заставит умолкнуть „отдельного человека" — только тогда философия достигает своей последней цели" — „философия" здесь — это именно интеллектуалистский догматизм. История философии это подтверждает. „Cogito ergo sum" Декарта принималось им как самоочевидное, потому что „Бог добр". Неубедительно, но „благ" (не Ψ св-во) и не страшно, хотя мы видим связь разума и божественного. Однако после того, как Кант обрушился на „чистый разум", показав, что он обречён на антиномии, если не обращается к данным опыта, неверно Гегель попытался возродить интеллектуализм в своей „философии тождества" разума и действительности. И здесь разум

оказался уже не структурно подобным миру (как у Канта), а тождественным ему. А раз разум приходит к антиномиям, то и мир противоречив, неразрешимо противоречив. Отсюда — прямая дорога к гегелевскому воспеванию войн и подавлению личности.

Кант ≠ Гегель!

Пора объяснить, почему я так задержался на той части теории автора, с которой согласен. Автор выступает против принятия разума в качестве единственного достоверного источника знания. И основывается, как мы видели, на анализе последствий принятия этой теории. Однако сам он предлагает взамен просто другой источник знания, которой не только сам станет авторитарным вместо божественного разума, но даже просто сольется с антирационалистическими основами интеллектуалистского догматизма. На самом деле, мы не только выбор приорететного источника знания должны основывать на анализе последствий этого выбора, но нам вообще не следует уделять большого внимания тому или иному источнику: разум, опыт, интуиция — неважно, откуда берутся наши знания, важны только их интерсубъективные проверки, выявляющие опять-таки последствия принятия того, что подсказывают опыт, разум, интуиции...

Автор пишет, что „Достоевский потерял доверие к разуму" — я не думаю, что это справедливо по отношению к Фёдору Михайловичу, но это очень точно характеризует самого автора. Он хотел „показать, что власти, на которую претендует разум, у него нет". И приходит к выводу: „Истине не нужно никаких оснований — разве она сама себя не может нести! Последняя истина, то, чего ищет философия, что для живых людей является самым важным, — приходит „вдруг". Иными словами — истину открывает не разум, а интуиция, „инсайт". Однако ясно, что

догматика интуиции не лучше догматики обожествляемого разума. Если мы начнём открывать истины „вдруг" и откажемся от рациональных аргументации и дискуссии, то это сразу же приведёт к господству грубой физической силы и страстей, а далее — к принятию интуиций наиболее сильных за нечто божественное и превосходящее интуиции слабых. Всё это возвращает нас к антирационализму и догматизму типа гегелевского и ко всем его антигуманным последствиям. Эти аргументы склоняют меня к критическому рационализму Карла Поппера: это мягкий рационализм, который сознаёт, что сам держится на иррациональной (и как видим, даже моральной) основе, но который делает разворот на сто восемьдесят градусов от догмы к бесконечной самокритике и неустанным проверкам своих собственных результатов. Это человечный, демократичный рационализм. Автор пишет, что истина „не знает принуждения и никого ни к чему не принуждает", но как же так, если „истина приходит в жизнь, не предъявляя никому оправдательных документов"? Оксюморон какой-то! Но может ли преодолеть эту трудность критический рационализм, если он и сам признаёт свою иррациональную основу? Может. Как я сказал, мы, последователи Поппера, предлагаем уделять внимание только интерсубъективным проверкам наших знаний. Эти проверки, в процессе которых и разгораются рациональные научные дискуссии не могут и не должны длиться вечно. По этому поводу Поппер в „Логике и росте научного знания" рассматривал триллему Фриза и указывал, что при проверке наших теорий-гипотез мы можем прибегнуть к „безвредному психологизму", „безвредному конвенциализму" и даже — к „безвредному догматизму".

У автора недоверие не только к рациональным догмам, но и к интерсубъективным „соглашениям", ибо „личное" неподвластно и последним. Догма или не догма, это не так важно; главное, чтобы высвободиться из-под власти „общего" — вот в чем бунтарский пафос автора!

Книга Поппера называется иначе!

У нас никогда не может быть логических, рациональных оснований для прекращения проверок, но мы можем остановиться на таких положениях, которые, как нам кажется, можно пока оставить без проверок. В случае необходимости однако любой может продолжить испытания самостоятельно, на его взгляд, теории. Такой рационализм совершенно не похож на критикуемый автором. Догматический поиск самоочевидных основ здания нашего познания, упраздняющий в мистический экстаз и претензии на божественность, заменяется здесь бесконечно самокритичным поиском недостатков знаний, которыми мы располагаем. При осуществлении интерсубъективных проверок мы можем идти всё дальше, пока не придём к таким тезисам, которые нам нравятся, удовлетворяют нас на практике, а ведь наука (как, вероятно, и познание в целом) начинается и заканчивается там, где начинаются и заканчиваются конкретные практические проблемы. Любой претендующий на результативность поиск основ знания – ведётся ли он в области разума, что критикует автор, или в области интуиции и созерцания, что он принимает – ведёт к догматизму, от которого некуда отступать (некуда отступать от истин, которая „не предъявляет оправдательных документов") и который сам будет давить на нашу практику, не считаясь с ней, не служить нам, а порабощать нас.

Любая познавательная стратегия приводит нас, как мы видели к своего рода откровению, но в случае критического рационализма это откровение с человеческим лицом. Оно подсказывает нам, что для нас, людей, нет и не может быть „объективного" знания, знания, независящего от нас (когда-то, и „третий мир" Поппера имеет значение для нас лишь в той мере, в какой он взаимодействует со „вторым"

не совсем так!

?

!

!

т.е. – через „второй мир"). Если бы математику ~~как говорит~~ не было дела до человеческого, до наших страстей, предрассудков, слабостей, то он, действительно, навек остался бы с догмой о том, что сумма углов треугольника – это сто восемьдесят градусов – как это происходит в интеллектуализме, но то же самое было бы последствием его веры в истины, которые открываются „вдруг", которые не требует проверок и рационального обоснования. Уверен, что только откровение с человеческим лицом позволило получить геометрию Лобачевского и геометрию Римана.

В заключении мне бы хотелось уподобить процесс познания в рамках критического рационализма демократическому политическому процессу. Столпом зрелой делиберативной демократии является свободная социально-политическая дискуссия: монополия на насилие находится в руках государства, так что верх одерживает тот, кто умеет лучше разрекламировать свою программу – тот, чья программа нам просто понравится и не будет утверждаться на каких-либо иных основаниях, а если выясниться, что мы просчитались, то эту программу оперативно заменят другой. То же в науке и познании вообще – мы останавливаемся на время на тех положениях, которые пока нам нравятся больше других и не ориентируемся на источники этих положений. Как в известном детском рассказе, мы ищем планету, которая понравилась бы всем, а не планету, которая „объективно", „очевидно" или „в действительности" является лучшей для землян. Нет сомнений, что критический рационализм в политике и в познании – суть одно: критический рационализм в общественной деятельности, в жизни общества. Не потому ли едва ли не все враги

Это уже не совсем по Попперу!

свободы и демократии выступали также и против откровения с человеческим лицом в науке и философии? Не потому ли, скажем, Гераклит Эфесский, учивший, что „закон-именно в том, чтобы повиноваться воле одного", а „свободомыслие надлежит тушить пуще пожара", не мог не добавлять, что „многознание уму не научит", а „Пифагор-лидер мошенников"?..

1	2	3		4	5	Σ
9	9	5	4	10	9	46
10	9	5	4	10	10	48

47